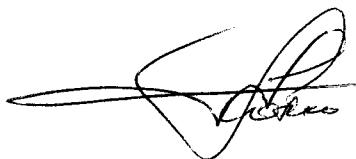


На правах рукописи



ПАХОЛКИН Дмитрий Анатольевич

**КОНКУРЕНЦИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО
И ЕВРАЗИЙСКОГО ИНТЕГРАЦИОННЫХ
ПРОЕКТОВ НА ПРОСТРАНСТВЕ СНГ**

23.00.04 Политические проблемы международных
отношений, глобального и регионального развития

**Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
кандидата политических наук**

Москва – 2019

Диссертация выполнена на кафедре «Политология и государственная политика» Среднерусского института управления – филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

Научный руководитель: доктор политических наук, доцент, профессор кафедры «Политология и государственная политика» Среднерусского института управления – филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

ЦЫБАКОВ Дмитрий Леонидович

Официальные оппоненты: – **ЛАГУТИНА Мария Львовна**
доктор политических наук, доцент кафедры «Мировая политика» ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

– **НИКИТЕНКО АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ**

кандидат политических наук, доцент, начальник отдела документационного и технического обеспечения управления делопроизводства Аппарата Орловского областного Совета народных депутатов

Ведущая организация: **Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»**

Защита состоится 17 мая 2019 года в 15.00 часов на заседании диссертационного совета Д 504.001.25 по защите диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук при ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» по адресу: 302001, г. Орёл, ул. Панчука, д.1, зал заседаний учёного совета.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Среднерусского института управления – филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» и на сайте ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (режим доступа: www.ranepa.ru).

Автореферат разослан « ____ » марта 2019 года.

Автореферат размещён на сайте Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации « ____ » марта 2019 года.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат политических наук, доцент

О.В. Малахова

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Пространство СНГ представляет собой крайне интересный и во многом парадоксальный эпизод в мировой истории интеграционных процессов: при существенном уровне интегрированности обществ, наличии серьёзной экономической взаимозависимости и значительного интеграционного потенциала оно породило лишь ограниченные и не особо устойчивые механизмы реальной интеграции. Слабость эндогенных интеграционных импульсов открыла возможности для вовлечения в дела данного пространства множественных внешних игроков, стремящихся навязать его странам свои интеграционные модели и ориентиры или заблокировать развитие нежелательных для себя проектов, исходящих от других центров силы. Политика многих государств СНГ также способствовала подобному вовлечению, поскольку местные элиты нередко усматривали в нём средство для повышения собственного политического веса как на внутривнутриполитической, так и на международной арене за счёт балансирования между несколькими внешними игроками.

Основным внешним, экзогенным интеграционным механизмом, продвигаемым на пространстве СНГ с середины 2000-х годов, стали инициированные Европейским союзом форматы «мягкой интеграции» в виде Европейской политики соседства и программы Восточного партнёрства. В это же время в данном пространстве оформился проект евразийской интеграции в виде Таможенного союза ведущих государств СНГ, переросшего в Евразийский экономический союз. Между данными форматами постепенно нарастала негласная конкуренция, которая к 2011 году превратилась в центральный политический процесс, определяющий геополитическую конфигурацию не только пространства СНГ, но и всего европейского континента. Российское руководство предпринимало попытки ограничения масштабов данной конкуренции и предотвращения её излишней антагонизации. Так, в своей статье «Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня», опубликованной в октябре 2011 года, В. Путин отмечал: «Некоторые наши соседи объясняют нежелание участвовать в продвинутых интеграционных проектах на постсоветском пространстве тем, что это якобы противоречит их европейскому выбору. Считаю, что это ложная развилка. Мы не собираемся ни от кого отгораживаться и кому-либо противостоять. Евразийский союз будет строиться на универсальных интеграционных принципах как неотъемлемая часть Большой Европы,

объединенной едиными ценностями свободы, демократии и рыночных законов»¹.

Но, несмотря на это, к 2013 году эта конкуренция вышла на пик своей остроты и вылилась в крупнейший в постбиполярный период политический кризис в Европе, поставивший Россию и Запад на грань военно-политической конфронтации. Этот кризис стал столь же острым, сколь и неожиданным для большинства участвовавших в нём сторон. Сама возможность того, что противоречия вокруг технических, по своей сути, вопросов могут вызвать кризис панъевропейского масштаба с длительными стратегическими последствиями, до 2014 года казалась практически невероятной. Именно поэтому проблема движущих сил интеграционной конкуренции в СНГ и факторов, обусловивших её динамику, остаётся крайне актуальной для отечественной и мировой политической науки. Тем более что даже после кризиса 2014 года данная конкуренция не была преодолена и её конфликтогенный потенциал далёк от исчерпания.

Исследование особенностей интеграционной конкуренции в СНГ и уже принесённых ею результатов позволит выработать более эффективный подход к дальнейшему продвижению евразийской интеграции, её институциональным и политическим механизмам. Подобное исследование необходимо также для адекватного понимания интересов России в этой конкуренции, оценки оптимальности задействованных ею политических и практических инструментов и формулирования средне- и долгосрочной стратегии на пространстве СНГ.

Под пространством СНГ в данном исследовании подразумевается ряд постсоветских стран, участвовавших в создании и функционировании Содружества независимых государств с 1991 года, – Российская Федерация, Украина, Белоруссия, Молдавия, Грузия, Армения, Азербайджан, Казахстан, Узбекистан, Киргизстан, Таджикистан, Узбекистан. Несмотря на то, что Грузия и Украина формально прекратили своё участие в СНГ, оставаясь при этом участниками ряда практических соглашений в рамках Содружества, в данном исследовании эти страны включены в пространство СНГ.

Степень научной разработанности проблемы. Актуальный и междисциплинарный характер предмета исследования предопределил повышенное внимание к проблеме конкуренции интеграционных проектов на пространстве СНГ в современной науке, но при этом обусловил недостаток политологических работ, которые бы охватывали данную проблему во всей её целостности с учётом комплекса основных факторов, влияющих на её оценку.

В основу исследования легли представления, сформулированные в трудах признанных отечественных и зарубежных специалистов в сфере

¹ Путин, В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня / В. Путин // Известия. – 2011. – 3 октября. – [Электронный ресурс] / Электрон. дан. – Режим доступа: <https://iz.ru/news/502761> – Загл. с экрана (дата обращения: 12.05.2018)

интеграции О.В. Буториной, Н.Ю. Кавешникова, Ю.А. Борко, И.Ю. Юргенса, С.А. Караганова, А.А. Громыко, К. Хилла, Ф. Шиммельфенига, Т. Риссе, О. Вивера.

Теоретическая база работы сформирована на основе идей ведущих исследователей «мягкой» и «нормативной» силы Дж. Ная-младшего, Й. Мэннерса, Дж. Рагги, Т. Дица, Н. Точки, С. Лавенекс, Л. Аггестам, Х. Сьюрсен², а также Т.А. Романовой, Е.Б. Павловой и А.И. Шаповаловой³.

Изучение особенностей становления и развития форматов «мягкой интеграции» в восточной политике ЕС стало возможным благодаря знакомству с публикациями Л. Делькур, Э. Тулметс, Г. Сасс, Р. Драгневой, К. Вольчук, Ю. Лангбейн, Е. Коростелёвой, Т. Форсберга⁴.

² Nye-Jr., J. Soft power: the means to success in world politics. / J. Nye-Jr. – New York: Public Affairs, 2005. – 191 p. ; Manners, I. Normative Power Europe: A Contradiction in Terms / I. Manners // Journal of Common Market Studies. – 2002. – Vol. 40, No. 2. – P. 235–248. ; Manners, I. The European Union as a Normative Power: A Response to Thomas Diez / I. Manners // Millennium: Journal of International Studies. – 2005. – Vol. 33, No. 3. – P. 167–180. ; Manners, I. Normative power Europe reconsidered: beyond the crossroads / I. Manners // Journal of European Public Policy. – 2006. – Vol. 13, No. 2. – P. 182–199. ; Ruggie, J.G. Constructing the world polity. Essays on international institutionalization / J.G. Ruggie. – London: Routledge, 1998. – 312 p. ; Diez, Th. Constructing the Self and Changing Others: Reconsidering ‘Normative Power Europe’ / Th. Diez // Millennium: Journal of International Studies. – 2005. – Vol. 33, No. 3. – P. 613–636. ; Diez, Th. Normative power as hegemony / Th. Diez // Cooperation and Conflict. – 2013. – Vol. 48, No. 2. – P. 194–210. ; Tocci, N. Profiling Normative Foreign Policy: The European Union and Its Global Partners [Electronic resource] / N. Tocci // CEPS Working Document. – December 2007. – No. 279. – 18 p. – Режим доступа: <https://www.ceps.eu/system/files/book/1578.pdf> (дата обращения: 12.05.2018) ; Tocci, N. The European Union as a Normative Foreign Policy Actor [Electronic resource] / N. Tocci et al. // CEPS Working Document. – January 2008. – No. 281. – 34 p. – Режим доступа: <https://www.ceps.eu/system/files/book/1590.pdf> (дата обращения: 12.05.2018).

³ Павлова, Е.Б. Нормативная сила: теория и современная практика России и ЕС / Е.Б. Павлова, Т.А. Романова // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 1. – С. 162–176. ; Романова, Т. Империя норм / Т. Романова // Россия в глобальной политике. – 2013. – № 1. – [Электронный ресурс] / Электрон. дан. – Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Imperiya-norm-15876> – Загл. с экрана (дата обращения: 12.05.2018) ;; Шаповалова, О.І. Механізм реалізації нормативної сили / О.І. Шаповалова // Дослідження світової політики: 36. наук. праць. – Вип. 3 (64). – К.: Інститут світової економіки і міжнародних відносин НАН України, 2014. – С. 55–63.

⁴ Delcour, L. Shaping the post-Soviet Space? : EU policies and approaches to region-building. / L. Delcour – Burlington: Ashgate, 2011. – 194 p. ; Delcour, L. The EU and Russia in Their ‘Contested Neighbourhood’ Multiple external influences, policy transfer and domestic change. / L. Delcour – London: Routledge, 2017. – 169 p. ; Delcour, L. Le voisinage entre l’Union européenne et la Russie, nouvelle ligne de démarcation ? / L. Delcour // La revue internationale et stratégique. – hiver 2008/2009. – No. 72. – P. 209–217. ; Delcour, L. Multiple external influences and domestic change in the contested neighborhood: the case of food safety / L. Delcour // Eurasian Geography

Позиция и роль России в отношении упомянутых форматов раскрывается в работах Д. Аверре, Х. Хауккала, Т. Казира, Р. Саквы, А. Рара, Э. Уилсона, С. Фишер, Н. Попеску, Б. Джексона, П. Фленли, Дж. Шерра, М. Эмерсона, Т. Гомара, А. Мошеса, С. Чарапа, А.П. Цыганкова⁵.

При этом российские учёные (.С. Косикова, Е.Ю. Винокуров, А.В. Мальгин, О.В. Шишкина, А.С. Макарычев, Д.В. Тренин, Т.В. Бордачёв, Д.В. Ефременко, А.В. Фененко⁶) внесли немалый вклад в разработку проблем, связанных с интеграцией и интеграционной конкуренцией

and Economics. – 2016. – Vol. 57, No. 1. – P. 43–65.; Delcour, L., Tulmets, E. Pioneer Europe? The ENP as a Test Case for EU's Foreign Policy / L. Delcour // European Foreign Affairs Review. – 2009. – Vol. 14. – P. 501–523.; Ademmer, E. Beyond geopolitics: exploring the impact of the EU and Russia in the “contested neighborhood” / E. Ademmer, L. Delcour, K. Wolczuk // Eurasian Geography and Economics. – 2016. – Vol. 57, No. 1. – P. 1–18.; Dimitrova, A. Constraining external governance: interdependence with Russia and the CIS as limits to the EU's rule transfer in Ukraine / A. Dimitrova, R. Dragneva // Journal of European Public Policy. – September 2009. – Vol. 16, No. 6. – P. 853–872.; Dragneva, R. Assessing Legal and Political Compatibility between the European Union Engagement Strategies and Membership of the Eurasian Economic Union / R. Dragneva, L. Delcour, L. Jonavicius // EU-Strat Working Papers. – 2017. – No. 7. – 32 p. – Accession at: <http://eu-strat.eu/wp-content/uploads/2018/01/EU-STRAT-Working-Paper-No.7.pdf>.

⁵Averre, D. Russia and the European Union: Convergence or Divergence? / D. Averre // European Security. – June 2005. – Vol. 14, No. 2. – P. 175–202.; Averre, D. Competing Rationalities: Russia, the EU and the ‘Shared Neighbourhood’ / D. Averre // Europe-Asia Studies. – December 2009. – Vol. 61, No. 10. – P. 1689–1713.; Averre, D. The EU, Russia and the shared neighbourhood: security, governance and energy / D. Averre // European Security. – December 2010. – Vol. 19, No. 4. – P. 531–534.; Casier, T. The EU–Russia Strategic Partnership: Challenging the Normative Argument / T. Casier // Europe-Asia Studies. – 2013. – Vol. 65, No. 7. – P. 1377–1395.; Casier, T. To Adopt or Not to Adopt: Explaining Selective Rule Transfer under the European Neighbourhood Policy / T. Casier // European Integration. – 2011. – Vol. 33, No. 1. – P. 37–53.; Казир, Т. Искажение атрибуции и доминирование геополитических представлений в отношениях Европейского союза и России / Т. Казир // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. – 2015. – Вып. 1. – С. 56–64. Р. 376–394.; Haukkala, H. A Norm-Maker or a Norm-Taker? The Changing Normative Parameters of Russia's Place in Europe / H. Haukkala // Russia's European Choice / T. Hopf (ed.). – Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2008. – P. 35–55.

⁶Косикова, Л.С. Восточное партнерство Евросоюза со странами СНГ и интересы России / Л.С. Косикова // Россия и современный мир. – 2012. – Номер 1 (74). – С.171–190.; Винокуров, Е.Ю. Конфликт двух интеграций. / Винокуров и др. – М.: Изд-во «Экон-Информ», 2015. – 241 с.; – М.: Европа, 2009. – 304 с.; Бордачёв, Т. Как сделать Европу надежным тылом. Будущее ЕС и стратегия России / Т. Бордачёв, Т. Романова // Россия в глобальной политике. – 2013. – № 6. – [Электронный ресурс] / Электрон. дан. – Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Bor-dachev-Evro-pu-nadezhnym-tylom-16255> – Загл. с экрана (дата обращения: 12.05.2018); Ефременко, Д. Жизнь после Вильнюса. Украина в новой геополитической конфигурации / Д. Ефременко // Россия в глобальной политике. – 2013. – № 5. – [Электронный ресурс] / Электрон. дан. – Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/>

на постсоветском пространстве. Представление о сущности и направленности европейских и евразийских интеграционных процессов, а также специфике взаимодействия России и Европейского союза было сформировано на основе публикаций М.Л. Лагутиной, В.В. Огневой, Д.Л. Цыбакова, А.И. Никитенко, М.В. Лапенко, Ю.Г. Голуба, Ю.С. Васюткина, А.Н. Михайленко, А.А. Слинько, Р.А. Явчуновской, Р.Х. Макуева⁷.

Особо полезными для формирования положений данной работы оказались исследования внешней политики стран СНГ, в том числе Н.В. Работяжева, А.С. Скрибы, Е. Гнединой, Л.О. Бабыниной, В.И. Мироненко, О.Б. Неменского, Т.С. Гузенковой⁸.

Zhizn-posle-Vilnyusa-16176 – Загл. с экрана (дата обращения: 12.05.2018) ; Тренин, Д.В. Россия и мир в XXI веке. / Д.В. Тренин – М.: Издательство «Э»; 2015. – 384 с. ;

⁷ Лагутина, М.Л. ЕС и ЕАЭС: проблемы и перспективы сотрудничества в современных геополитических реалиях / М.Л. Лагутина // Управленческое консультирование. – 2015. – № 11 (83). – С. 124-136.; Огнева, В.В. Евразийское пространство: тенденции трансформации, потенциал расширения партнерства / В.В. Огнева // Среднерусский вестник общественных наук. – 2018. – Т. 13. № 4. – С. 86-99.; Цыбаков, Д.Л. Региональная безопасность постсоветского пространства в контексте евразийского интеграционного проекта / Д.Л. Цыбаков, В.И. Филонов // Вестник Поволжского института управления. – 2017. – Т. 17. № 5. – С. 32-38.; Никитенко, А.И. «Европейский вектор» политики Советского Союза как основа современных взаимоотношений России и ЕС / А.И. Никитенко // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2016. – № 4 (73). – С. 51-57.; Лапенко, М.В. Внешний контур ЕАЭС: потенциал расширения и поиск оптимальных механизмов взаимодействия / М.В. Лапенко // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. – 2016. – Т. 16. № 1. – С. 71-76.; Голуб, Ю.Г. Контуры границ Евросоюза в контексте современных реалий европейской интеграции / Ю.Г. Голуб, Д.С. Алексеев // Европейский путь для России: за и против. – Воронеж, 2017. – С. 84-90.; Васютин, Ю.С. Политическая наука в региональном измерении / Ю.С. Васютин, О.В. Малахова // Среднерусский вестник общественных наук. – 2014. – № 5 (35). – С. 154-159.; Михайленко, А.Н. Перспективные внешние направления развития Евразийского экономического союза / А.Н. Михайленко // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2017. – № 1 (36). – С. 122-138.; Слинько, А.А. Новый баланс сил на евразийском пространстве / А.А. Слинько, И.В. Добрева, В.Б. Слатинов // Среднерусский вестник общественных наук. – 2016. – Т. 11. № 5. – С. 174-179.; Явчуновская, Р.А. ЕврАзЭС – ЕАЭС: перспективы политической стабильности и безопасности / Р.А. Явчуновская // Россия и евразийское пространство: векторы развития. – Москва: МАКС Пресс, 2017. – С. 149-159.; Макуев, Р.Х. Современный Европейский союз и порядок вступления в него третьих государств: «Лиссабонская модель» / Р.Х. Макуев // Современное общество и право. – 2017. – № 1 (26). – С. 5-11.

⁸ Работяжев, Н. Геостратегические дилеммы Киева / Н. Работяжев // Россия и новые государства Евразии. – 2013. – № 4. – С. 49-67.; Скриба, А.С. «Мягкая сила» и постсоветское пространство сегодня: выводы для России / А.С. Скриба // Политика и общество. – 2016. – № 10. – С. 1400-1412.; Мироненко, В. ЕС – Украина. / В. Мироненко // Европейский союз в поиске глобальной роли: политика, экономика, безопасность / Под общ. ред. Ал.А. Громько и М.Г. Носова. – М.: «Весь мир», 2015. – С. 93-110.; Бабынина, Л. ЕС и Россия: конкуренция за постсоветское пространство? /

Несмотря на значительное количество источников и научных исследований по тематике диссертационной работы, комплексного политологического анализа интеграционной конкуренции на пространстве СНГ в российской политической науке до настоящего времени еще не проводилось.

Объект исследования – интеграционные процессы на пространстве СНГ.

Предмет исследования – политическое содержание конкуренции европейского и евразийского интеграционных проектов на пространстве СНГ.

Цель исследования состоит в изучении факторов, особенностей и достигнутых на данный момент результатов конкуренции европейского и евразийского интеграционных проектов на пространстве СНГ и выявлении её значения для системы международных отношений в Европе.

Для достижения поставленной цели определены следующие **исследовательские задачи**:

1) рассмотреть эволюцию научных представлений о конкуренции интеграционных проектов на пространстве СНГ в существующей академической литературе;

2) представить теоретическое обоснование феномена интеграционной конкуренции и определить основные инструменты, используемые в её рамках;

3) проанализировать предпосылки и структурные факторы разворачивания конкуренции интеграционных проектов на пространстве СНГ;

4) выявить ключевые преимущества и недостатки европейского и евразийского интеграционных проектов в их конкуренции на пространстве СНГ;

5) определить основные этапы развития и факторы, определившие результат конкуренции интеграционных проектов на пространстве СНГ;

6) охарактеризовать ход и последствия интеграционной конкуренции в СНГ для её участников и для современной системы международных отношений и обозначить перспективы её дальнейшего развития.

Основная гипотеза исследования. Ход и результаты конкуренции европейского и евразийского интеграционных проектов в ближнем зарубежье России обусловлены, во-первых, политическими, институциональными и идентификационными свойствами этих проектов как таковых, а во-вторых, особенностями инструментов, используемых для их продвижения в постсоветском регионе. Ключевым фактором, определяющим эффективность продвижения конкретного интеграционного проекта на постсоветском пространстве, являются не столько объективные практические преимущества евразийского или европейского векторов развития,

Л. Бабынина // РСМД. – 2013. – 29 мая. – [Электронный ресурс] / Электрон. дан. – Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/es-i-rossiya-konkurentsia-za-postsovetskoe-prostranstvo/> – Загл. с экрана (дата обращения: 12.05.2018) ; Гузенкова, Т.С. Политика Евросоюза в отношении стран постсоветского пространства в контексте евразийской интеграции / Т.С. Гузенкова и др. // Проблемы национальной стратегии. – 2015. – Номер 2 (29). – С. 9–51.

сколько его идентификационная, нормативная и геополитическая ценность, определяемая социальным заказом политических элит новых независимых государств СНГ и Балтии.

Теоретико-методологическую основу исследования составляет теория социального конструктивизма, представляющая социальные феномены продуктами интенционального конструирования субъектами политического процесса, автономность. Именно в рамках теории социального конструктивизма сформировалось представление о направляющей роли норм в международных отношениях, конститутивное влияние на субъекты международных отношений, задавая их субъектные свойства и политическую мотивацию. Кроме того, ввиду специфики и сложности феномена интеграционной конкуренции, его изучение потребовало задействования институционального анализа, а также элементов теории интеграции и теории комплексной взаимозависимости.

Источниковая база. Исследование опирается на широкий массив источников различного типа, в том числе:

А) Нормативная база:

официальные документы Европейского союза, СНГ, Таможенного союза и Евразийского экономического союза, официальные документы отдельных государств ЕС и СНГ с изложением позиции относительно интеграционных процессов в постсоветском регионе.

Б) Эмпирическая база:

– публичные заявления политических деятелей ЕС и СНГ, выступления в СМИ официальных лиц, дипломатов программы политических партий, декларации от имени непризнанных республик СНГ;

– статистические данные об экономических показателях стран СНГ, последствиях участия в интеграционных процессах;

– социологические исследования о степени поддержки тех или иных интеграционных моделей населением стран СНГ; доклады по тем или иным политическим или практическим вопросам интеграции, стенограммы заседаний и переговоров;

– материалы негосударственных аналитических центров РФ, ЕС, Великобритании, Германии, Украины, доклады с оценкой перспектив различных механизмов интеграции, пропагандистские и агитационные документы, материалы журналистских расследований.

Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе феномена интеграционной конкуренции в СНГ как самостоятельного процесса со своими характерными особенностями и закономерностями. Основные элементы научной новизны включают:

· систематизацию научных представлений о конкуренции интеграционных проектов на пространстве СНГ в существующей академической литературе и разработку авторской периодизации их развития;

- углубление теоретического понимания феномена нормативной силы и механизма её использования в ходе конкуренции интеграционных проектов, выработку авторской интерпретации данной концепции;
- выделение ключевых уровней, этапов и факторов развития интеграционной конкуренции на пространстве СНГ, формулирование на этой основе условий успешного продвижения интеграционного проекта в условиях конкуренции;
- проведение сравнительного анализа форматов «мягкой интеграции» Европейского союза на пространстве СНГ и евразийского интеграционного объединения с точки зрения их конкуренции на пространстве СНГ, выявление их сильных и слабых сторон в этой конкуренции, обусловленных имманентными свойствами и особенностями их институциональной организации;
- уточнение дальнейших перспектив развития интеграционной конкуренции СНГ в условиях военно-политической конфронтации между Россией и Западом, развернувшейся под влиянием кризиса 2014 года.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Научные представления о конкуренции интеграционных проектов на пространстве СНГ развивались по мере того, как эта конкуренция начала проявляться в политических реалиях. В этой сфере теория заметно отставала от практики, что непосредственным образом сказалось на их качестве.

Автор доказывает, что в изучении данной проблематики можно выделить несколько этапов: первый примерно совпадает с инициированием и становлением Европейской политики соседства, второй относится к периоду запуска и оформления Восточного партнёрства, третий обозначился с возникновением и развитием украинского кризиса 2014 года. В центре внимания научного сообщества в отношении данной проблемы находился и продолжает находиться вопрос поиска оптимальных стратегий выигрыша в интеграционной конкуренции, тогда как продуцируемые ею вызовы и угрозы региональной и континентальной безопасности преимущественно нивелируются. Повышение внимания к данной тематике после кризиса 2014 года сопровождается значительной идеологизацией академической среды, что актуализирует задачу сохранения объективного подхода в процессе разработки научных выводов и рекомендаций по проблемам интеграционной конкуренции на пространстве СНГ.

2. Конкуренция интеграционных проектов – весьма специфический вид взаимодействия в международной системе. Она может быть как одним из компонентов более широкого геополитического противостояния, так и самостоятельным процессом. Диссертантом обосновано, что основным инструментом, используемым в ходе интеграционной конкуренции, является нормативная сила – это способность целенаправленно задавать или изменять мотивационные детерминанты, или поведенческие особенности

акторов, или структурные параметры международной системы путём конструирования, утверждения, изменения или преодоления отдельных норм или механизмов их обеспечения или нормативного контекста системы в целом. Реализация нормативной силы может происходить двумя способами – путём аргументационного убеждения и материального или статусного стимулирования. Способы убеждения и стимулирования могут применяться самостоятельно, а могут сочетаться в единой стратегии.

3. В результате проведённого исследования автор заключил, что конкуренция европейского и евразийского интеграционных проектов на пространстве СНГ, сформировавшаяся во второй половине 2000-х годов, является неинтенциональным продуктом односторонних, несоординированных между собой стратегий ведущих центров силы европейского континента, с одной стороны, и неустойчивой, конъюнктурно мотивированной и в целом мало склонной к интеграционным форматам политики многих стран СНГ, с другой стороны. Ведущими структурными факторами, способствовавшими возникновению и развитию интеграционной конкуренции на пространстве СНГ, являются, во-первых, снижение структурного значения взаимодействия между Западом и Россией в постбиполярной системе международных отношений, а во-вторых, превращение коллективного Запада в главный источник структурирующих импульсов на глобальном и европейском уровнях.

4. Ключевое преимущество форматов «мягкой интеграции» ЕС – Европейской политики соседства и Восточного партнёрства – заключалось, по мнению автора, в том, что они основывались на уже сформированном и отработанном в ходе расширения Европейского союза на Восток механизме нормативной конвергенции, не ограниченном сугубо регуляторным уровнем, а включающем значительный политико-институциональный и ценностно-идентификационный компоненты. Представляя проекцию собственных норм в качестве средства «европеизации» восточных соседей, т.е. усвоения ими европейской идентичности и европейской модели управления, Евросоюз тем самым позиционировал себя в качестве нормативно мотивированного игрока, исходящего в своём поведении из ценностных соображений, а не из соображений геополитической экспансии или практической утилитарности. В то же время интеграционным форматам ЕС в восточном соседстве присущи серьёзные недостатки, ограничивающие их политическое влияние, а именно: слабость предлагаемых ими интеграционных стимулов при значительном объёме налагаемых нормативных обязательств, недостаточно чёткая связь между нормативной конвергенцией и представлением анонсированных стимулов, стратегическая амбивалентность и зависимость от местного политического контекста.

Одновременно ряд имманентных особенностей евразийского интеграционного проекта обусловил его сильные и слабые стороны в конкуренции с нормативной силой ЕС. Относительно сильными его сторонами являются

меньшая степень накладываемых им интеграционных ограничений и, как следствие этого, более благоприятные условия для сохранения государства-членами своего национального суверенитета, значительные экономические выгоды, а также более серьёзные рычаги влияния на интеграционный процесс. Вместе с тем эти преимущества не всегда могут преодолеть гандикапы ЕАЭС: слабость его общей идентичности и политической субъектности, структурную асимметрию его участников, благодаря которой интеграционный процесс так и не вышел за рамки межгосударственного торгового, узость его нормативного контекста, который в отсутствие достаточной ценностной базы не может составить конкуренции нормативным притязаниям ЕС на роль морального авторитета для стран СНГ, а также дефицит автономных институтов и публичных фигур, которые бы олицетворяли евразийское политическое пространство.

5. Интеграционная конкуренция в СНГ развивалась одновременно на нескольких уровнях: геополитическом, идентификационном, экономическом и энергетическом. Поскольку её квинтэссенцию составляла борьба ведущих центров силы за формирование желательной для них геополитической конфигурации европейской системы международных отношений, геополитический уровень являлся направляющим для данной конкуренции в целом. При этом собственно практическое, интеграционное содержание продвигаемых с обеих сторон форматов было весьма ограничено. Это позволяет сделать вывод, что интеграция выступала, прежде всего, стимулом, необходимым для того, чтобы заставить страны СНГ принять такие политические и практические обязательства, которые существенно затрудняли бы их ситуативное балансирование и предотвращали бы резкий разворот вектора их геополитической ориентации. Несовместимость и противоречие между европейским и евразийским интеграционными механизмами являются скорее политическими конструктами, нежели объективным и неизбежным их свойством.

Диссертант доказывает, что основным фактором, определяющим успех продвижения интеграционного проекта, является его нормативная самооценочность, закреплённая в политическом позиционировании государств и общественном дискурсе, и наличие влиятельных общественных групп, мобилизованных вокруг идеи участия в интеграционном проекте как таковой, вне зависимости от его инструментальной ценности. В случае когда участие в интеграционном проекте приобретает подобную самооценочность, действие иных факторов геополитического или геоэкономического характера значительно ослабевает. Если же подобной самооценочности не возникает, интеграционные перспективы рассматриваются с утилитарной точки зрения, сквозь призму соотношения потенциальных выигрышей и затрат. В подобных условиях приоритет получают внутривнутриполитические факторы,

то есть последствия вовлечения в интеграционные процессы для действующей системы власти в стране, её суверенитета и устойчивости; затем факторы геополитические, то есть влияние интеграционных процессов на международно-политическое положение государства, его безопасность и статус в глобальной и региональной системе; и лишь затем факторы геоэкономического характера, то есть экономические преимущества и риски от интеграционных процессов.

6. Кризис 2013–2014 годов стал поворотным моментом в конкуренции интеграционных проектов в СНГ, определившим её, по крайней мере промежуточный, исход. В ходе конкуренции интеграционных проектов России и ЕС последнему удалось включить в сферу своей «мягкой интеграции» три страны Восточной Европы (Украину, Грузию и Молдавию), составляющих «критическую массу» пространства «общего соседства», и получить значительное преимущество в конкуренции с евразийским интеграционным проектом на пространстве СНГ. Однако после данного кризиса интеграционная конкуренция в СНГ утратила самостоятельное значение и оказалась подчинена логике политической конфронтации между Россией и Западом. Это существенно повысило риски возможного обострения, что заставляет обе стороны искать пути снижения напряжённости вокруг интеграционных противоречий в условиях, когда системный компромисс между ними невозможен в силу развернувшейся конфронтации. В то же время, согласно выводам исследования, реальная степень практической интеграции государств СНГ как в европейском, так и в евразийском проектах остаётся невысокой, что даёт основания утверждать, что достигнутые за прошедший период результаты интеграционной конкуренции нельзя считать окончательными и бесповоротными.

Теоретическая значимость исследования заключается в переосмыслении концепции нормативной силы и её операционализации применительно к России и евразийскому интеграционному объединению, углублении представлений о региональных интеграционных процессах и их политическом значении в постбиполярной системе международных отношений, а также выявлении факторов, определяющих интеграционное поведение государств в ситуации конкуренции интеграционных моделей. Полученные результаты могут стать основой для дальнейших научных исследований в области интеграционных процессов в СНГ и восточной политики Евросоюза.

Практическая значимость. Положения и выводы данного исследования могут быть применены при выработке целевых основ и практического инструментария внешней политики России и стран СНГ. Кроме того, они могут быть использованы в ходе разработки и преподавания учебных дисциплин, связанных с интеграционными процессами в СНГ, восточной

политикой ЕС, внешней политикой России и стран СНГ, при подготовке учебных пособий и методических материалов.

Область диссертационного исследования. Диссертация соответствует пункту 7 «Глобальные и региональные организации: цели, характер и формы их деятельности. Внешняя политика отдельных государств и их блоковых организаций различной направленности. Международная деятельность неправительственных организаций и финансово-экономических структур» Паспорта специальности 23.00.04 Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы исследования были представлены в докладах автора на ряде конференций, в том числе:

- V Всероссийская заочная научная конференция молодых исследователей и студентов «Исследование социально-экономических и политических институтов и процессов», 15 марта 2012 г., г. Киров;
- IV Международная научно-практическая конференция «Государство и общество: проблемы взаимодействия», 15 января 2013 г., г. Киров;
- Второй Сочинский форум евразийской интеграции «Перспективы развития и укрепления Шанхайской организации сотрудничества», 17–18 апреля 2018 г., г. Сочи;
- XIV Международная научно-практическая конференция «Актуальные вопросы современной науки», 26 сентября 2018 г., г. Томск;
- X Международная научно-практическая конференция «Инновации в науке и практике», 2 октября 2018 г., г. Барнаул.

По результатам исследования было издано 11 статей, из них 4 в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования Российской Федерации для публикации научных работ, отражающих основное научное содержание кандидатских диссертаций. Общий объём публикаций составил 5,2 п.л.

Структура диссертации. Работа выполнена в объёме, соответствующем требованиям ВАК, и состоит из введения, трёх глав, шести параграфов, заключения, списка использованных источников и литературы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИОННОЙ РАБОТЫ

Во введении обоснована актуальность темы исследования, степень её теоретической разработанности в отечественной и зарубежной научной литературе, определены объект и предмет исследования, поставлена цель и сформулированы исследовательские задачи, выдвинута научная гипотеза, раскрывается база исследования (теоретическая, методологическая, нормативная, эмпирическая), изложена научная новизна, обозначена

область диссертационного исследования, представлены основные результаты и положения, выносимые на защиту, указана теоретическая и практическая значимость, приведены данные об апробации результатов и структуре диссертации.

Первая глава диссертации «Феномен интеграционной конкуренции на пространстве СНГ: теоретико-концептуальный анализ» содержит систематизированный обзор отечественных и зарубежных исследований тематики интеграционной конкуренции между европейским и евразийским проектами в СНГ, а также изложение теоретико-методологических положений, на основе которых ведётся последующий анализ интеграционной конкуренции на пространстве СНГ.

В первом параграфе главы «Эволюция научных представлений о конкуренции интеграционных проектов на пространстве СНГ» приводится авторская периодизация исследования тематики интеграционной конкуренции в СНГ в отечественной и зарубежной политологии. Поскольку научный интерес к тематике интеграционной конкуренции возник по мере того, как эта конкуренция начала проявляться в политических реалиях, в ответ на те вопросы, которые возникали перед политическими элитами непосредственно в ходе разворачивания данной конкуренции, исследования в данной сфере носят эмпирически ориентированный характер и во многом связаны со становлением и развитием европейских механизмов «мягкой интеграции» восточных соседей.

Именно с запуском Европейской политики соседства в 2003–2004 гг. в западной литературе поднимается проблема интеграционной стратегии ЕС в отношении стран постсоветского пространства, однако вопрос того, как реализация такой стратегии скажется на поддержании традиционных взаимосвязей между странами данного пространства и на их отношениях с Россией, в европейской науке практически не рассматривался. Сама возможность возникновения интеграционной конкуренции в СНГ как таковая осознавалась российским и европейским академическими сообществами довольно слабо, прежде всего из-за очевидной слабости продвигаемых в данном пространстве интеграционных проектов как таковых и неготовности ряда стран СНГ к участию в полноценном интеграционном проекте.

Вторая волна в изучении проблематики интеграционной конкуренции связана с инициированием программы Восточного партнёрства. На этом этапе в европейской науке фокус научных поисков сместился в более практическую сторону – в направлении определения того, каким образом предложенные в рамках Восточного партнёрства стимулы могут способствовать нормативной конвергенции и интеграции восточных соседей и какие факторы могут повлиять на этот процесс. Россия в этих исследованиях фигурировала в качестве одного из факторов, препятствующих сближению восточных соседей с ЕС в силу якобы незаинтересованности российского руководства в их демократической трансформации и стабилизации на базе европейских норм и ценностей.

В российской же науке на этом этапе выросло внимание к вовлечению Евросоюза в политические процессы на пространстве СНГ, которое расценивалось как попытка расширить сферу эксклюзивного влияния, ограничить интеграционные возможности России и помешать ей сформировать собственный интеграционный механизм. Однако при этом проблемы, проистекающие из нормативной природы Восточного партнёрства и его конкуренции с проектом евразийской интеграции, в достаточной мере отечественной наукой отрефлексированы не были, причиной чему являлась как свойственная российской академической среде как таковой недооценка внешнеполитического потенциала Евросоюза в целом, так и его политики в Восточной Европе в частности.

Третья волна исследований тематики интеграционной конкуренции в СНГ связана с разворачиванием украинского кризиса и характеризуется резким ростом количества публикаций, направленных на осмысление причин, обусловивших перерастание конкуренции региональных интеграционных проектов в наиболее острый политический кризис в Европе в постбиполярную эпоху. Многим публикациям этой волны присуща явно выраженная идеологизация, но вместе с тем в них наблюдается и попытка выработать более адекватное понимание процессов, происходящих на постсоветском пространстве.

Отмечается, что работам российских исследователей в этот период свойственна недооценка последствий украинского кризиса для евразийской интеграции и для внешней политики России, а также недостаточное понимание инструментов, обеспечивших полученные на данный момент результаты интеграционной конкуренции на пространстве СНГ.

Таким образом, феномен интеграционной конкуренции в СНГ остаётся недостаточно изученным в отечественной и мировой науке. Этому мешает как значительная степень идеологизированности данной тематики, так и её подчинённость более масштабной проблеме геополитического противостояния в СНГ, затрудняющая рассмотрение конкуренции интеграционных проектов как самостоятельного процесса.

Второй параграф главы «Процесс и инструменты интеграционной конкуренции: теоретический аспект» раскрывает особенности феномена конкуренции интеграционных проектов как одного из типов взаимодействия в международной системе и характер задействованных в её ходе инструментов. Обосновывается, что ходе конкуренции у её субъектов возникает два вектора приложения усилий: с одной стороны, привлечение потенциальных участников к своему интеграционному проекту, а с другой – нейтрализация или демонтаж конкурирующего интеграционного проекта.

В той мере, в которой вопрос касается привлечения потенциальных участников, задача субъектов конкуренции заключается в том, чтобы создать такую систему стимулов и ограничений, в которой потенциальные

участники с высокой долей вероятности сделают нужный интеграционный выбор. Однако влияние на интеграционный выбор государства не сводится к банальному транзакционному торгу с действующим правительством, а является комплексным процессом воздействия на различные уровни принятия решений с целью формирования устойчивой долговременной мотивации к участию в интеграционном проекте.

Для описания технологии влияния на интеграционные предпочтения государств европейские исследователи сформулировали концепцию нормативной силы. Именно этот подход, по нашему мнению, наиболее точно подходит для моделирования интеграционной конкуренции: поскольку интеграционный проект представляет собой в первую очередь комплекс собственных норм, правил и стандартов, привлечение участников к уже существующему интеграционному проекту означает распространение на них его нормативного комплекса.

В диссертации нормативная сила определяется как способность целенаправленно задавать или изменять мотивационные детерминанты, или поведенческие особенности акторов, или структурные параметры международной системы путём конструирования, утверждения, изменения или преодоления отдельных норм или механизмов их обеспечения или нормативного контекста системы в целом.

Автор аргументирует, что конструирование и навязывание норм осуществляется в публичном пространстве через генерирование дискурса, указывающего на необходимость принятия этих норм через их привязку к идентичности или существующему нормативному контексту, с тем чтобы поставить эти нормы выше текущих эгоистических интересов государств. Это предполагает постепенное изменение внутреннего контекста государств, в котором можно вычленировать несколько уровней: нормативный контекст политической или широкой элит, связанных с принятием решений, нормативный контекст широких бюрократических или профессиональных кругов, нормативный контекст общества в целом.

Способы, с помощью которых происходит реализация нормативной силы, в работе предлагается объединить в две большие группы – убеждение и стимулирование. Убеждение связано с аргументационным доказательством того, что предлагаемая норма или шаги на её основе являются «правильными» и ценными сами по себе, вне зависимости от тех материальных последствий, которые они могут за собой влечь. Подобное доказательство в большинстве случаев требует отсылки к уже действующему международному или внутреннему нормативному контексту, декларируемым целевой аудиторией ценностям или её идентичности. Стимулирование предусматривает акцентирование конкретных материальных или статусных преимуществ, которые может получить актор вследствие принятия предлагаемой нормы, или рисков и потерь, последующих от её непринятия.

Согласно подходу автора, главное преимущество концепции нормативной силы заключается в том, что она позволяет учесть в единой картине действие как материальных, так и идейных факторов, влияющих на интеграционные предпочтения государств, и представить процесс интеграционной конкуренции как дискурсивное «соревнование» различного типа аргументов на разных уровнях принятия решений – от правительства и политической элиты страны до гражданского общества и населения в целом.

Целью второй главы **«Базовые параметры интеграционной конкуренции на пространстве СНГ и потенциал её участников»** стало осмысление общих предпосылок и структурных факторов конкуренции интеграционных проектов России и ЕС на пространстве СНГ, выяснение причин, по которым оформление двух проектов приобрело взаимоисключающий и конкурентный характер, а также определение свойств обоих конкурирующих интеграционных проектов, обусловивших их преимущества и слабые стороны в конкуренции за привлечение стран СНГ.

В первом параграфе главы **«Предпосылки и структурные факторы разворачивания конкуренции интеграционных проектов на пространстве СНГ»** указывается, что конкуренция европейского и евразийского интеграционных проектов на пространстве СНГ не являлась прямым следствием структурных характеристик системы международных отношений, установившейся в Европе с переходом к постбиполярности. Доказывается, что её конструирование происходило инкрементальным путём благодаря односторонним действиям двух ведущих центров силы европейского континента – Европейского союза и России – в так называемом пространстве «общего соседства». Долгое время эта конкуренция развивалась в латентном виде и не осознавалась как угроза региональной стабильности, тем более что, объективно говоря, оба интеграционных проекта не были по своей сути взаимоисключающими. Игнорирование исходящих от конкурентной динамики вызовов усугублялось ещё и тем обстоятельством, что каждая из сторон-инициаторов уверенно оценивала свои перспективы в идущей конкуренции и не воспринимала действия противоположной стороны как способные торпедировать собственные планы.

По мнению автора, предпосылки будущей интеграционной конкуренции были во многом заложены обстоятельствами окончания холодной войны и последующего распада СССР. Распад СССР представлял собой в некотором смысле уникальное историческое событие, потому как его политическое расчленение, в отличие от подобных случаев распада крупных государств, не венчало процесс фактической дезинтеграции, а только давало ему старт. Поэтому с самого начала постсоветское пространство сохраняло значительную степень экономической и социокультурной интегрированности.

Автор доказывает, что политические элиты большинства постсоветских стран видели своей главной задачей укрепление собственной самостоятельности, поэтому последовательно способствовали сначала политической,

а затем и практической дезинтеграции постсоветского пространства. Навязывание безусловной и абсолютной ценности своего государства и его суверенитета не очень убеждённой в этом внутренней общественности стало ключевой задачей многих местных элит, которые рассматривали любую институционализированную форму интеграции в СНГ как ограничение государственного суверенитета своих стран. Собственно, эта искусственно сконструированная дихотомия между суверенитетом и интеграцией продолжает довлеть над пространством СНГ до сих пор. Сохранявшаяся при этом значительная практическая взаимозависимость этого пространства рассматривалась либо как данность, не требующая каких-то особых политических форм сближения, либо как гандикап, от которого необходимо избавиться.

Для самой России интеграция стран СНГ в первое десятилетие после демонтажа СССР не выступала первоочередным приоритетом, поэтому именно от России исходило немало шагов по реальной дезинтеграции постсоветского пространства в 90-е годы. Лишь по мере понимания того, что Запад не готов гарантировать РФ желаемый ею международно-политический статус в постбиполярной системе, российское руководство начало приоритизировать постсоветскую интеграцию в первую очередь как инструмент подкрепления своих статусных претензий.

Что касается структурных факторов, то обстоятельства окончания холодной войны привели к тому, что в постбиполярной Европе отношения с Россией уже не носили для Запада системообразующего характера, и поддержание определённого уровня кооперативности в этих отношениях не стало системным императивом после номинального окончания военно-политической конфронтации. К тому же, поскольку стремление влиться в западное сообщество в первые годы после распада СССР составляло основу внешнеполитического позиционирования РФ, готовность России к сотрудничеству на любых условиях стала восприниматься Западом как данность, а любое изменение такой позиции – как отклонение от нормы. Иными словами, в постбиполярном контексте кооперативность как таковая обеспечивалась не взаимными усилиями сторон, а односторонними обязательствами одной из них – России. Дефицит структурного значения сотрудничества России с Западом и, в особенности, с Евросоюзом был связан также с тем, что изначально это сотрудничество имело скорее интравертную, нежели экстравертную направленность. Его основным предметом были внутренние политические и экономические преобразования в РФ, а не формирование целостной геополитической конфигурации европейского континента или пространства СНГ. Таким образом, в течение первого десятилетия после окончания «холодной войны» западные институты оставались единственными генераторами геополитических импульсов в европейском политическом пространстве.

Расширение НАТО и Европейского Союза на Восток стало поворотным моментом, во многом задавшим дальнейший вектор эволюции европейской

политики. Во-первых, в ходе этого процесса сформировалась модель политического взаимодействия между Западом и Россией, в которой экспансия западных институтов сопровождалась адаптацией со стороны РФ. Это заложило основу для ещё одной «установки по умолчанию»: что Россия не будет оказывать серьёзного сопротивления дальнейшему расширению влияния Запада. Во-вторых, для Евросоюза расширение стало основной «историей успеха» его внешней политики в постбиполярный период. Именно удачный (как казалось в 2000-х) опыт расширения на Восток стал основой для утверждения саморепрезентации ЕС как нормативного игрока, способного менять геополитическую среду с помощью проекции своих норм. Благодаря регулярной артикуляции в официальных документах и политической риторике ЕС эта репрезентация превратилась в базовый элемент политической идентичности Европейского Союза.

Таким образом, ведущими структурными факторами, способствовавшими возникновению и развитию интеграционной конкуренции на пространстве СНГ, стали, во-первых, снижение структурного значения взаимодействия между Западом и Россией в постбиполярной системе международных отношений, а во-вторых, превращение коллективного Запада в главный источник структурирующих импульсов на глобальном и европейском уровнях, а процесса расширения западных институтов – в центральный геополитический процесс в европейской системе и модель для её дальнейшей эволюции. Тем не менее, эти факторы не детерминировали возникновение интеграционной конкуренции автоматически. При наличии политической воли ведущих центров силы к формированию устойчивых кооперативных рамок взаимодействия между ними проблемы управления «общим соседством» могли быть решены в конструктивном русле.

Во втором параграфе главы «Ключевые преимущества и недостатки европейского и евразийского интеграционных проектов в их конкуренции на пространстве СНГ» исследуются сильные и слабые стороны Восточного партнёрства ЕС, с одной стороны, и Таможенного / Евразийского экономического союза, с другой.

Диссертант полагает, что ключевые преимущества и недостатки Восточного партнёрства связаны с нормативным характером данной программы, которая основывается на дискурсе о европейской идентичности и европейских ценностях, привлекательности европейской социально-экономической модели и трансформационной направленности, то есть декларируемом стремлении содействовать внутренним преобразованиям в странах-соседях в сторону большего соответствия европейской идентичности и социальной модели. С одной стороны, это позволило с помощью адресной политики мобилизовать на поддержку своего интеграционного проекта ряд общественных групп в некоторых странах восточного соседства, связывающих свои политические ожидания с реализацией продвигаемой Евросоюзом

трансформационной повестки дня. С другой стороны, нормативно ориентированные политические рамки Восточного партнёрства не были должным образом подкреплены действенными стимулами и соответствующим практическим интеграционным содержанием, а также отличались недостаточной гибкостью и большой зависимостью от внутривнутриполитического контекста стран-адресатов. Эти слабые стороны нормативного фундамента Восточного партнёрства приходилось компенсировать геополитической и цивилизационной риторикой, представляя участие в этом проекте как окончательный геополитический и цивилизационный выбор соседних стран.

К преимуществам евразийского интеграционного проекта соискатель относит меньшую степень накладываемых им интеграционных ограничений, более благоприятные условия для сохранения государствами-членами своего национального суверенитета, значительные экономические выгоды, а также более серьёзные рычаги влияния на интеграционный процесс. Вместе с тем, эти преимущества не всегда могут преодолеть гандикапы ЕАЭС: слабость его общей идентичности и политической субъектности, структурную асимметрию его участников, благодаря которой интеграционный процесс так и не вышел за рамки межгосударственного торгового узу, узость его нормативного контекста, который в отсутствие достаточной ценностной базы не может составить конкуренции нормативным притязаниям ЕС на роль морального авторитета для стран СНГ, а также дефицит самостоятельных институтов и публичных фигур, которые бы олицетворяли евразийское политическое пространство.

По мнению автора, меньшая идеологизированность и большая прагматическая ориентация евразийского проекта создают потенциально более выгодные условия для местных элит постсоветских стран, однако на практике снижают мотивацию к участию в евразийском интеграционном проекте, так как лишают его поддержки со стороны тех общественных групп, которые стремятся к трансформации постсоветских институтов и систем власти. В то же время получение экономических выигрышей от сохранения и восстановления традиционных хозяйственных связей местные элиты считают возможным и без участия в евразийской интеграции, за счёт прямых политических договорённостей с Москвой. Обосновывается, что без успешного преодоления описанных недостатков евразийский интеграционный проект вряд ли сможет выйти на желаемый уровень консолидации и в полной мере реализовать свой геополитический потенциал.

Проведённый анализ позволил сделать вывод, что ключевым фактором, определяющим эффективность нормативного воздействия ЕС на страны СНГ, несомненно, является восприимчивость элит и обществ этих стран к дискурсу о европейской идентичности и европейских ценностях. Однако степень данной восприимчивости обуславливается, прежде всего, спецификой местной политической системы конкретной страны, интересами её элит и идейной ориентацией активных групп общества, а не наличием соразмерной и

привлекательной евразийской альтернативы. Страны, меньше других поддающиеся нормативной силе ЕС, делают это скорее из стремления сохранить собственную независимость или из стремления местных элит сохранить свой политический режим, нежели в силу приверженности евразийскому проекту.

Третья глава диссертации «Основные этапы, факторы и последствия интеграционной конкуренции Европейского союза и Евразийского экономического союза на пространстве СНГ и перспективы её дальнейшего развития» описывает эволюцию конкуренции интеграционных проектов России и ЕС в свете предложенной объяснительной модели, приводит её авторскую периодизацию, содержит обобщающие теоретические выводы о факторах, обеспечивающих конкурентную эффективность обоих интеграционных проектов, и подводит промежуточные итоги прошедших этапов этой конкуренции.

Задачей первого параграфа «Основные этапы развития и факторы, определившие результат конкуренции интеграционных проектов на пространстве СНГ» является периодизация интеграционной конкуренции в СНГ и установление факторов, определивших её промежуточный результат на этапе 2013–2014 годов.

Согласно авторской позиции, в 1990-х годах Россия не смогла воспользоваться имеющимся у неё преимуществом в «мягкой» и «жёсткой» силе на пространстве СНГ для построения выгодного ей интеграционного формата, что привело к ослаблению взаимозависимости, прогрессирующей национализации политического класса новых независимых государств и снижению центростремительных импульсов. Только к началу 2000-х годов руководство РФ, столкнувшееся с неудачей проекта быстрого реформирования страны в отрыве от других республик СНГ и получения равноправного статуса с наиболее развитыми странами Запада, поставило задачу восстановления разорванных связей и их институционализации в виде интеграционного проекта, сопоставимого с успешным евроинтеграционным объединением. Однако к этому времени в самом Евросоюзе, успешно включившем в свой состав страны Центральной Европы, было выработано ЕС-центричное видение Европы как системы «концентрических кругов» из стран, находящихся в различной степени близости к евроинтеграционному объединению, определяемой в одностороннем порядке самим ЕС, исходя из соответствия его нормам и стандартам. В рамках этого видения была преодолена первоначальная осторожность относительно постсоветских стран, а возможность и необходимость распространения влияния и стандартов ЕС на окружающее пространство подкреплялись не только утилитарными соображениями, но и императивами политической идентичности ЕС.

В развитии интеграционной конкуренции в СНГ диссертантом выделяются три основных этапа. На *первом* этапе в 2003–2008 годах происходило формирование базовых политических и институциональных рамок европейского интеграционного проекта в СНГ в виде Европейской политики соседства. Её инициирование совпало с первыми «цветными революциями» в Грузии и

на Украине, заложившими основу идеологического конфликта в СНГ и давшими толчок политизации европейской идентичности в постсоветском политическом дискурсе в категориях противопоставления якобы антагонистичной ей евразийской модели. Таким образом, ЕС и Россия параллельно перешли к формированию собственных интеграционных проектов в СНГ, хотя степень их конкурентности ещё не была очевидной. При этом наблюдается постепенная стагнация диалога между ними и выхолащивание процесса создания общего европейского экономического пространства между Евросоюзом и Россией, что снизило готовность обеих сторон к координации их политики в «общем соседстве».

Второй этап интеграционной конкуренции в СНГ связан со становлением Восточного партнёрства ЕС и Таможенного союза в 2009–2013 годах. На этом этапе оба проекта получают своё институциональное оформление и интеграционное наполнение, а усилиями ряда европейских политиков, происходит конструирование и утверждение в политическом дискурсе ЕС представления о несовместимости и взаимном антагонизме двух интеграционных проектов, основанных якобы на противоположных ценностях и с противоположными целями – целью стабилизации и европеизации в случае Восточного партнёрства и консервации авторитарных режимов в случае Таможенного союза. В самом Таможенном союзе в этот период происходит качественная интенсификация интеграционного взаимодействия, проявившаяся, в подписании в 2011 году Декларации о евразийской интеграции, Соглашения о создании зоны свободной торговли СНГ, выступавшей своего рода «вторым контуром» евразийского проекта.

В 2011–2013 годах в связи с началом и прогрессом переговоров по соглашениям об ассоциации ЕС с Украиной, Молдавией, Грузией и Арменией эта конкуренция вступает в наиболее острую фазу, превращается в основной геополитический процесс на европейской континенте. В конце 2013 года вследствие искусственного дедлайна, выставленного Европейским союзом своим восточным соседям для парафирования и подписания соглашений об ассоциации, интеграционная конкуренция выливается во внутриукраинский кризис, приведший к конфронтации в отношениях между Россией и ЕС.

Процессы, развернувшиеся после украинского кризиса в 2014–2018 годах, составляют *третий* этап конкуренции интеграционных проектов в СНГ. Этот длящийся до сих пор этап озаглавлен общим снижением напряжённости вокруг непосредственно конкуренции интеграционных проектов вследствие её переноса на уровень общей геополитической конфронтации между Россией и Западом. Но при этом базовые противоречия, обусловившие возникновение и развитие конкуренции остались неурегулированными, что означает сохранение латентного конфликтного потенциала и дальнейшее продолжение интеграционной конкуренции в менее публичном формате.

В результате сложившейся конфигурации в 2003–2017 годах эволюция интеграционной конкуренции развивалась по нарастающей. На каждом из

описанных этапов происходило повышение в глазах обеих сторон значения вопросов безопасности и цивилизационной принадлежности спорного пространства, усиление взаимного недоверия, подталкивавшее к односторонним действиям, мотивированным уже не столько самим по себе стремлением к реализации интеграционного проекта, сколько стремлением не допустить реализацию интеграционного проекта соперника.

Автор выделяет четыре основных группы внешних факторов, которые влияют на интеграционный выбор государств постсоветского пространства: 1) геостратегический, проистекающий из тех вызовов и рисков безопасности, с которыми сталкивается то или иное государство, 2) геоэкономический, связанный с существующими и ожидаемыми экономическими выигрышами и потерями от участия в интеграционном проекте, 3) статусный, подразумевающий влияние того или иного интеграционного проекта на статусные характеристики государства в международной системе, и 4) идентификационный, то есть значение интеграционного проекта для поддержания или трансформации политической идентичности государства.

Среди внутренних факторов, определяющих участие государства в конкретном интеграционном проекте, диссертант определяет : 1) ожидаемые последствия от такого участия для существующей в стране системы власти в целом и для сохранения власти правящей на данный момент элиты; 2) интеграционные предпочтения оппозиционных политических сил и значение интеграционного выбора для внутриполитической борьбы; 3) наличие мобилизованных общественных групп, отстаивающих приоритет того или иного интеграционного вектора; 4) поддержка интеграционных стремлений со стороны общественного мнения.

На основании полученных выводов соискатель формулирует примерные закономерности того, как развивается интеграционная конкуренция на постсоветском пространстве и какие факторы определяют её результат. Принимая решение об участии в одном из конкурирующих интеграционных проектов, та или иная страна руководствуется сочетанием «логики надлежащего» и «логики последствий». Действия страны в рамках логики надлежащего диктуются политическим позиционированием государства, закреплённом в общественном дискурсе и заставляющим влиятельные общественные группы активно выступать за участие в выбранном интеграционном проекте независимо от его утилитарной ценности. Если же нормативной самооценности не возникает или она незначительна, то выбор направления интеграции подчиняется логике последствий, т.е. оценивается с точки зрения утилитарных приобретений и потерь.

Отмечается, что в подобных условиях приоритет получают внутриполитические факторы, то есть последствия вовлечения в интеграционные процессы для действующей системы власти в стране, её суверенитета и устойчивости; затем факторы геополитические, то есть влияние интеграционных процессов на международно-политическое положение государства, его безопасность и

статус в глобальной и региональной системе; и лишь затем факторы геоэкономического характера, то есть экономические преимущества и риски от интеграционных процессов.

Во втором параграфе главы **«Последствия интеграционной конкуренции в СНГ и перспективы её дальнейшего развития»** излагаются основные события интеграционной конкуренции в ходе украинского кризиса (с конца 2013 г.) и его последствия для взаимодействия России и ЕС.

Диссертант обобщает, что политический кризис, возникший вокруг решения властей Украины о переносе подписания Соглашения об ассоциации, рассматривался в Европейском союзе не как доказательство контрпродуктивности его односторонней нормативной стратегии, а как вызов своему политическому и нормативному влиянию со стороны конкурента и результат силового давления со стороны России. Вследствие этого Брюссель не внял призывам к урегулированию украинского кризиса через совместные с РФ усилия по стабилизации ситуации и, фактически, полностью поддержал требования протестующих по смене власти в стране. В вопросе об ассоциации Украины и других стран Восточного партнёрства Евросоюз видел Россию, говоря европейским языком, «частью проблемы, а не частью решения», открыто требуя от России снять все возражения по поводу ассоциации Украины с ЕС.

Но самое главное, если до этого вопрос геополитической конфигурации пространства Восточной Европы решался в плоскости конкуренции интеграционных проектов, то после указанных событий он перешёл в плоскость прямой политической, а с началом операции на Донбассе – военно-политической конфронтации. Это не отменило интеграционную конкуренцию как таковую, но, во-первых, она оказалась подчинена более весомым соображениям геополитического характера, а во-вторых, в экономической плоскости к ней добавился ещё один немаловажный ограничительный элемент, а именно секторальные экономические санкции.

По мнению соискателя, перипетии, обусловленные украинским кризисом, оказали непосредственное влияние на евразийский интеграционный проект. Несмотря на то, что в этот период происходит существенное его углубление и институциональное совершенствование, ЕАЭС так и не стал платформой для формирования второго геополитического центра европейского континента. Но в значительной мере такое положение обусловлено недостаточной степенью политической консолидации внутри ЕАЭС и неготовностью его членов превращать ЕАЭС в основной локус коммуникации с европейскими структурами. И Казахстан, и Армения, и даже Беларусь предпочитают поддерживать отдельные двусторонние каналы диалога с ЕС и выстраивать свои отношения с евроинтеграционными структурами, минимизируя ограничительное влияние евразийских рамок.

В результате проведённого анализа диссертант делает вывод, что украинский кризис стал поворотным моментом в конкуренции интеграционных

проектов в СНГ, определившим её, по крайней мере промежуточный, исход. Евросоюзу удалось включить в сферу своей «мягкой интеграции» три страны Восточной Европы (Украину, Грузию и Молдавию), составляющих «критическую массу» пространства «общего соседства» и наладить самостоятельный механизм диалога с государствами-членами ЕАЭС в обход его интеграционных институтов. Это исключило возможность формирования какого-либо согласованного механизма управления «общим соседством» с Россией.

Тем не менее, говорить о победе европейского «концентрического» подхода к геополитической конфигурации европейского континента не представляется возможным. Во-первых, Россия так и не согласилась принять идею нормативной гегемонии ЕС, исключила Украину из зоны свободной торговли СНГ, пусть и в одностороннем порядке, и продемонстрировала готовность идти на открытые разногласия с партнёрами по ЕАЭС ради сохранения способности поддерживать собственные контрсанкции в отношении европейской продукции. А во-вторых, переход от опосредствованной конкуренции в интеграционной плоскости к прямой военно-политической конфронтации с Россией снизил масштаб субъектности ЕС, не обладающего достаточными ресурсами для самостоятельного участия в подобной конфронтации и попадающего в зависимость от политики США.

В то же время реальная степень практической интеграции государств СНГ как в европейском, так и в евразийском проектах остаётся невысокой, что даёт основания утверждать, что достигнутые за прошедший период результаты интеграционной конкуренции нельзя считать окончательными и бесповоротными.

В **заключении** излагаются авторские выводы, основанные на комплексном анализе интеграционных процессов на пространстве СНГ, формулируются рекомендации для практической реализации результатов проведенного исследования политической составляющей конкуренции интеграционных проектов Европейского союза и Евразийского экономического союза в постсоветском регионе.

Содержание основных положений, выносимых на защиту, нашло своё отражение в следующих публикациях автора общим объемом 5,2 п.л.:

— в журналах, входящих в перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации:

1. Пахолкин, Д.А. Правовое регулирование интеграционных процессов в рамках ЕврАзЭС [Текст] /Д.А. Пахолкин // Гуманитарные исследования. — 2012. — № 4 (44). — С. 202–208. (0,5 п.л.).
2. Пахолкин, Д.А. Нормативная сила в конкуренции евразийского и европейского интеграционных проектов на постсоветском пространстве [Текст] /

Д.А. Пахолкин // Среднерусский вестник общественных наук. – 2017. – Т. 12. – № 6. – С. 171–186. (0,5 п.л.).

3. Пахолкин, Д.А. Конкуренция европейского и евразийского интеграционных проектов в СНГ после украинского кризиса [Текст] / Д.А. Пахолкин // Среднерусский вестник общественных наук. – 2018. – Т. 13. – № 4. – С. 109–127. (0,7 п.л.).
4. Пахолкин, Д.А. Сильные и слабые стороны ЕАЭС в конкуренции с европейскими интеграционными форматами на пространстве СНГ [Текст] / Д.А. Пахолкин // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. – 2018. – № 5. – С. 296–307. (0,7 п.л.).

– в других научных журналах и сборниках:

1. Пахолкин, Д.А. Интеграционная функция государства и основные этапы интеграционных процессов [Текст] / Д.А. Пахолкин // Исследование социально-экономических и политических институтов и процессов: Материалы V Всероссийской заочной научной конференции молодых исследователей и студентов (15 марта 2012 г., г. Киров) / Под ред. Е.А. Юшиной. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2012. – С. 190–194. (0,2 п.л.).
2. Пахолкин, Д.А. Роль государства в интеграционных процессах (на примере Латинской Америки) [Текст] / Д.А. Пахолкин // Государство и общество: проблемы взаимодействия: Материалы IV Международной научно-практической конференции (15 января 2013 г., г. Киров) / Под ред. Е.А. Юшиной. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2013. – С. 23–27. (0,2 п.л.).
3. Пахолкин, Д.А. Теория и практика межгосударственной интеграции в Западной Европе [Текст] / Д.А. Пахолкин // Вестник Международного института экономики и права. – 2013. – № 1 (10). – С. 49–59. (0,4 п.л.).
4. Пахолкин, Д.А. Структурные факторы конкуренции между Россией и Европейским Союзом в пространстве Восточной Европы // Право и глобальный социум. – 2017. – № 2. – С. 94–105. (0,5 п.л.).
5. Пахолкин, Д.А. Преимущества и недостатки Восточного партнерства ЕС в интеграционной конкуренции на постсоветском пространстве [Текст] / Д.А. Пахолкин // Актуальные проблемы развития Шанхайской организации сотрудничества: Материалы Второго Сочинского форума евразийской интеграции «Перспективы развития и укрепления Шанхайской организации сотрудничества» (17–18 апреля 2018 г., г. Сочи). – М.: Институт стран СНГ, 2018. – С. 85–91. (0,7 п.л.).
6. Пахолкин, Д.А. Проблематика интеграционной конкуренции ЕС и ЕАЭС на пространстве СНГ в западной научной мысли [Текст] / Д.А. Пахолкин // Актуальные вопросы современной науки: Сборник статей по материалам XIV Международной научно-практической конференции (26 сентября 2018 г., г. Томск). В 2 ч. Ч. 2. – Уфа: Изд. НИЦ Вестник науки, 2018. – С. 163–173. (0,5 п.л.).
7. Пахолкин, Д.А. Эгоцентризм в политике Запада как движущая сила интеграционной конкуренции на пространстве СНГ [Текст] / Д.А. Пахолкин // Инновации в науке и практике: Сборник статей по материалам X Международной научно-практической конференции (2 октября 2018 г., г. Барнаул). В 4 ч. Ч. 4. – Уфа: Изд-во НИЦ Вестник науки, 2018. – С. 109–114. (0,3 п.л.).

Сдано в набор 14.03.2019 г. Подписано в печать 15.03.2019 г.
формат 60 x 84 1/16 Бумага офсетная. Гарнитура Journal.

Усл. печ.лист. 1,0. Тираж 120 экз. Заказ № 330

Издательство Среднерусского института управления –
филиала РАНХиГС.

302001, г. Орел, ул. Панчука, д. 1.